

13. Холодный генерал и его слабоумный возлюбленный

Шань Янь с детства завидовал своему старшему брату Шань Ли. Поскольку Шань Ли был законным первородным сыном, он с рождения имел право наследовать титул маркиза. А Шань Янь был лишь плодом связи служанки, пробравшейся в постель господина. Его не любили не только другие слуги, но и родной отец, который, казалось, видел в самом его существовании позор.

Однако, будучи отпрыском маркиза Цинъюаня, пусть он и не пользовался особым вниманием, он никогда не опускался до того, чтобы терпеть издевательства прислуги. Его мать с самого рождения сына мечтала, что тот унаследует титул и втопчет главную жену маркиза и Шань Ли в грязь. Эту мысль, даже если мать не произносила её вслух, он твердо вознамерился воплотить в жизнь. Лишь потому, что он глубоко завидовал и ненавидел Шань Ли.

Он не раз пытался подставить и навредить брату, но Шань Ли был слишком умён и расчётлив, поэтому козни Шань Яня раз за разом терпели крах. Вокруг Шань Ли словно высилась непреступная стена — ни единой брешы, ни малейшей оплошности, даже иголке было не проскользнуть.

И когда он уже почти пал духом, появилась та самая острая игла, способная всё разрушить. Подобно плотине, прорванной в тысяче мест, защита Шань Ли рухнула, стоило лишь появиться Цинь Фэнъяню.

Вспоминая былое, Шань Янь одарил своё красивое лицо торжествующей улыбкой. Он присел на корточки перед Шань Ли, который сидел на земле с отсутствующим взглядом, и ликование в его душе достигло предела. Он решил, что Шань Ли потрясён его появлением, и насмешливо произнёс:

— Твой подарок, дорогой братец, я принял. Раз уж Цинь Фэнъянь оказался в моих руках, у меня нет причин отдавать его обратно. И можешь не волноваться, я не позволю ему выгнать тебя из дома. В конце концов, для моих дальнейших планов ты мне ещё понадобишься.

Сказав это, Шань Янь поднялся и пристально посмотрел на Шань Ли, ожидая увидеть в его глазах гнев или раскаяние, но ничего подобного не произошло. Красивое, подобное нефриту лицо Шань Ли оставалось безучастным, а в звёздных глазах читалось лишь отчуждение — будто Шань Янь был для него совершенно чужим человеком.

Лицо Шань Яня исказилось:

— Не думай, что если притворишься потерявшим память, то сможешь вернуть сердце Цинь Фэнъяня! Говорю тебе, что бы ты ни делал, он никогда тебя не полюбит. Оставь эти надежды!

Однако, что бы он ни говорил, выражение лица Шань Ли не менялось. Шань Янь замер на секунду, и тут до него дошло. Глядя на остекленевший взгляд брата, он вдруг выдвинул нелепое предположение и решил проверить его:

— Брат... Шань Ли, ты меня узнаёшь?

Услышав своё имя, Шань Ли наконец улыбнулся:

— Я... я Шань Ли.

Он действительно стал дурачком!

Радость нахлынула на Шань Яня, он никогда ещё так не благодарил небеса. По пути в резиденцию генерала, через многочисленные проверки, он узнал о состоянии Шань Ли. Не скрою, когда он услышал это имя из уст Цинь Фэнъяня, в сердце Шань Яня закрался страх. Он знал, что он — самозванец, а Шань Ли — та самая заветная мечта, белая луна в сердце Цинь Фэнъяня. Он боялся, что его ложь раскроют и он лишится роскошной жизни.

Поэтому в дороге он ломал голову над подлыми планами, как использовать Цинь Фэнъяня, чтобы вышвырнуть Шань Ли, а лучше — убить его. Но он и представить не мог, что Шань Ли в одночасье станет слабоумным и забудет всё прошлое. Какой же это был невероятный подарок судьбы!

Шань Янь рассмеялся, искренне и счастливо. Насмеявшись вдоволь, он позволил глазам блеснуть жестокостью:

— Брат, благодарю за ещё один сюрприз. Думаю, ты не откажешься преподнести мне ещё кое-что.

Под непонимающим взглядом Шань Ли, Шань Янь растянул губы в жуткой, оскаленной улыбке и протянул руку:

— Вырви своё сердце и отдай мне, хорошо?

Хотя Шань Ли не понимал смысла слов, инстинктивно он почувствовал опасность. Он попятился назад, пока не упёрся в берег реки, и с испугом уставился на Шань Яня. Но тот не собирался так просто его отпускать. Тень бывшего превосходства Шань Ли всё ещё давила на него, и сейчас он наслаждался видом слабого и жалкого брата.

Он шаг за шагом приближался, намереваясь столкнуть Шань Ли в реку, но краем глаза заметил фигуру Цинь Фэнъяня и тут же изменил план. Шань Янь схватил Шань Ли за руку, якобы пытаясь удержать его от падения, но на самом деле с силой потянул на себя. Увидев мучительное выражение на лице Шань Ли, Шань Янь улыбнулся ещё шире, а когда Шань Ли, не выдержав боли, махнул рукой, Шань Янь потянул его за собой в воду.

Хотя всё это было расчётом Шань Яня, в глазах окружающих всё выглядело так, будто Шань Ли намеренно толкнул его, а затем сам по неосторожности упал в воду.

Увидев, как Шань Ли «толкает» Шань Яня, сердце Цинь Фэнъяня едва не остановилось от

ужаса. Лицо его переменилось, и он без колебаний прыгнул в воду, чтобы спасти Шань Яня. На самом деле, при его способностях он мог бы вытащить и Шань Ли, но он даже не подумал об этом — его разум был полностью занят Шань Янем, как он мог заботиться о жизни Шань Ли?

Цинь Фэнъянь смотрел на бледное, задыхающееся лицо Шань Яня, охваченный тревогой и страхом, и даже дыхание его непроизвольно стало тише:

— А-Янь, как ты себя чувствуешь?

Шань Янь с трудом приоткрыл веки и слабо улыбнулся. Словно что-то вспомнив, он с тревогой произнёс:

— Брат Цинь, скорее спаси старшего брата! Хотя он и толкнул меня, я верю, что у него не было злого умысла. Пожалуйста, не вини его, хорошо?

Услышав это, Цинь Фэнъянь пришёл в ещё большую ярость. Он резко поднял голову и посмотрел на Шань Ли, которого уже вытащили слуги, — взгляд его был полон такой ненависти, будто он был готов убить.

— Ты заслуживаешь смерти.

Он полагал, что Шань Ли стал дурачком и забыл прошлое, а значит, его сердце больше не будет таким порочным. Но эта сцена полностью опровергла его мысли. Словно кто-то отвесил ему тяжёлую пощёчину и ясно дал понять: даже став слабоумным, Шань Ли остаётся злодеем в душе. А раз он решил навредить Шань Яню, то заслуживает смерти!

С ледяной, жестокой усмешкой он подошёл к Шань Ли и с размаху влепил ему пощёчину. Цинь Фэнъянь был мастером боевых искусств, сила его удара была огромна, тем более что он вложил в него почти всю мощь. Шань Ли пошатнулся, едва не рухнув обратно в воду, а в голове зазвенело.

Шань Ли чувствовал невыносимую боль, словно сердце сжимали тиски, а лицо горело от удара. Он прикрыл щеку, глаза его покраснели, но он не стал рыдать, как раньше:

— Ты... ты обещал... не бить меня.

Ты говорил, что больше не причинишь мне боли, я запомнил. Но ты ударил меня.

Цинь Фэнъянь почувствовал странную неловкость, но, вспомнив, как Шань Ли поступал с ним раньше и как только что толкнул А-Яня в воду, он тут же подавил это чувство гневом. Он снова занёс руку, желая преподать Шань Ли урок, но стоявший позади Шань Янь удержал его.

Шань Янь опустил голову, скрывая торжество в глазах:

— Брат Цинь, если старший брат попросит у нас прощения, давай простим его, хорошо?

— Хорошо.

Цинь Фэнъянь не отказывал ни в одной просьбе Шань Яня. Он равнодушно смотрел на Шань Ли, словно на ничтожную букашку. Однако он решил, что простого извинения будет слишком мало. Он махнул рукой, приказав слугам заломить руки Шань Ли и заставить его встать на колени.

Глухой удар.

Колени Шань Ли врезались в твёрдые каменные плиты. Внезапная боль заставила его лицо ещё сильнее побледнеть, он даже не успел вскрикнуть, как раздался холодный голос Цинь Фэнъяня:

— Проси прощения. Скажи, что ты был неправ.

Что может понимать слабоумный? Если он произнесёт слово «неправ», он его простит, великодушно решил Цинь Фэнъянь.

Но Шань Ли уже не был тем беспомощным дурачком, который не мог сам одеться или поесть. С тех пор как он попал в резиденцию генерала, он многому научился, включая понимание того, что такое любовь, что значит отдавать себя, что значит быть осторожным, и даже понятия «прав» и «неправ» обрели для него смутные очертания.

Поэтому, несмотря на головокружение и красную жидкость, неконтролируемо сочившуюся из носа, он поднял голову и сказал:

— Я... я не виноват.

Он ведь действительно не сделал ничего плохого, почему он должен извиняться?

Цинь Фэнъянь не ожидал такого ответа и усмехнулся. Он так и знал: такие люди, как Шань Ли, даже совершив гнусные поступки, не признают своей вины и будут спокойно жить дальше. И правда, не стоило возлагать на него больших надежд!

Разочаровавшись в Шань Ли окончательно, он подхватил Шань Яня на руки, даже не взглянув на брата. Напоследок он бросил слугам:

— Не разрешайте ему вставать, пока не проколено на коленях два часа.

Шань Янь нахмурился и с укором посмотрел на Цинь Фэнъяня:

— Брат Цинь, если ты так поступишь, его тело не выдержит.

Цинь Фэнъянь, напротив, жаждал страданий Шань Ли, чтобы тот усвоил урок. Услышав слова Шань Яня, он лишь фыркнул:

— А-Янь, я знаю, что ты добр и заботишься о близких, но разве ты не знаешь, каков нрав Шань Ли? Таких, как он, нужно наказывать как следует.

Шань Янь вздохнул и больше ничего не сказал.

Шань Ли смотрел им вслед, когда внезапно всё потемнело. Он вытер нос, но кровь лишь сильнее испачкала рукава, оттереть её не удавалось. Внезапный приступ тошноты заставил его согнуться, и его вырвало. На полу осталась лужица крови, в которой виднелись чёрные сгустки.

Голова кружилась ещё сильнее. Он тупо уставился на пятно крови и спросил:

— Это... что?

Слуги знали, что кровь обычно красная, а чёрная означает отравление. Они только хотели объяснить это Шань Ли, как увидели, что тот, обессилив, падает на плиты, а на его губах проступают следы чёрной крови. Слуги переполошились и в панике переглянулись:

— Что делать?

— Нужно доложить генералу!

Один из слуг приподнял Шань Ли, а второй бросился на поиски Цинь Фэнъяня. Он прибежал к покоям генерала, в ужасе рухнул на колени и доложил:

— Генерал, господин Шань Ли... он упал в обморок, кажется, он отравлен, нужно ли позвать императорского лекаря...

Не успел он закончить, как за его спиной послышались торопливые шаги. Слуга обернулся и увидел нескольких лекарей. Подумав, что их позвали к Шань Ли, он хотел было проводить их в покои, но увидел, что они спешно входят в покои генерала.

Генерал с ледяным лицом бросил ему всего одно слово:

— Вон!

14. Холодный генерал и его слабоумный возлюбленный

Слуга, напуганный холодным тоном, не посмел задержаться и поспешно удалился, но его мучил вопрос: слышал ли генерал его слова?

Цинь Фэнъянь всё слышал, но его мысли были всецело заняты Шань Янем, разве мог он думать о судьбе Шань Ли?

Когда они с Шань Янем возвращались, тот внезапно потерял сознание. Лицо его было бледным,

дыхание стало слабым. Сердце Цинь Фэнъяня сжалось от боли, он немедленно приказал позвать лекарей, и лишь когда те прибыли, он осознал, что его спина покрылась холодным потом. Он смотрел на закрытую дверь, сжимая кулаки, и в его сердце жила лишь одна мольба: пусть с А-Янем всё будет хорошо!

Дверь вскоре отворилась, и вышли лекари. Вид у них был странный: озадаченный, нерешительный, они избегали смотреть в глаза Цинь Фэнъяню. Увидев их лица, сердце генерала ушло в пятки:

— Какая болезнь у А-Яня?

Старый лекарь с седой бородой вздохнул:

— Генерал, этот недуг крайне редкий, даже мы бессильны перед ним.

На самом деле лекарям было трудно признаться в том, что, произучав медицину всю жизнь, они столкнулись с чем-то необъяснимым. Пульс пациента был в полном порядке, признаков болезни не было, но он оставался без сознания, а лицо его было мертвенно-бледным. Они не могли сказать, что пациент притворяется, поэтому ответили так.

Лицо Цинь Фэнъяня помрачнело:

— И вы смеете называть себя великими врачами? Смешно! Если вы не можете даже поставить диагноз, то не достойны быть в императорской лечебнице!

Лекарь с седой бородой рассердился:

— Генерал, вместо того чтобы насмехаться над нами, лучше протрите глаза и посмотрите сами, болен ли человек в той комнате!

Сказав это, он в сердцах ушёл, остальные последовали за ним. Цинь Фэнъянь лишь презрительно фыркнул, решив, что это лишь оправдание их некомпетентности. Как А-Янь может притворяться? Такой добрый и чистый человек, как он, не стал бы опускаться до подобных уловок.

Он усмехнулся и толкнул дверь. Увидев лежащего на кровати бледного Шань Яня, он мгновенно смягчился. Он погладил его по лицу и пообещал:

— А-Янь, не бойся, что бы ни случилось, я найду способ тебя спасти.

...

Тем временем, на другом конце резиденции.

Слуга вернулся в покои Шань Ли. Они омывали его лоб холодной водой, глядя, как лицо Шань

Ли искажается от боли:

— Что делать? Он всё ещё харкает кровью...

— Я ничего не могу поделать, я докладывал генералу, но для него важен лишь новый господин, а этот...

Слуга замолчал.

— Военный советник приказал нам заботиться об этом господине. Попробуй перехватить лекарей, мы не можем оставить его умирать!

Слуга, не имея другого выбора, решил рискнуть и подкараулить лекарей на выходе. Ему повезло: он наткнулся на лекаря, отставшего от остальных. Уговорами и ссылкой на приказ военного советника ему удалось привести его в покои Шань Ли.

Увидев запекшуюся чёрную кровь на губах пациента, лекарь помрачнел. Осмотрев его, он проговорил с укором:

— Почему вы так поздно обратились за помощью?

— Неужели всё так плохо? — испугался слуга.

— Хуже некуда! — лекарь тяжело вздохнул. — Этот яд в его организме уже лет семь. Хотя он коварен и трудноизлечим, при постоянном лечении в течение семи лет его можно было вылечить. Но сейчас... Всё, что я могу — это выписать лекарство для облегчения страданий.

Выписав рецепт, лекарь передал его слуге. Тот взглянул на список и похолодел: там были одни драгоценные ингредиенты, которых у него не было. Пришлось слуге тайком пробираться к военному советнику Е Чэну.

...

Чтобы спасти Шань Яня, Цинь Фэнъянь издал указ, собрав со всей страны «великих врачей». Большинство из них оказались шарлатанами: одни несли чепуху, другие пичкали пациента сомнительными добавками. Болезнь Шань Яня не проходила, зато от переизбытка лекарств у него началось носовое кровотечение.

Разъярённый Цинь Фэнъянь приказал отрубить руки и ноги одному из таких «лекарей» в назидание другим. После этого желающие нажиться на горе генерала исчезли, и у ворот резиденции стало тихо. Так продолжалось несколько дней, пока в резиденцию не вошёл старец с добрым лицом.